



УДК 811.161.1'04
ББК 81.411.2-0

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОМПОНЕНТОВ УСТОЙЧИВЫХ ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫХ СОЧЕТАНИЙ В ДРЕВНЕРУССКОМ ДЕЛОВОМ ЯЗЫКЕ

А.А. Макушина

Выявлены и рассмотрены устойчивые глагольно-именные сочетания, функционирующие в древнерусских грамотах и княжеских уставах XI–XIV веков. Показаны семантические изменения глагола и имени существительного, установлены основные типы взаимодействия их значений в составе устойчивых сочетаний.

Ключевые слова: древнерусский язык, историческая лексикология, семантика, устойчивые глагольно-именные сочетания, деловая письменность.

Несмотря на то что историческая лексикология сегодня располагает значительным количеством работ, посвященных деловому языку, в ней еще остаются вопросы, важные для научного поиска, в том числе вопрос о терминологических единицах, составляющих своеобразие текстов делового содержания на разных этапах развития русского языка. Анализ структуры и семантики устойчивых сочетаний в древнерусском деловом языке позволяет проследить историю как отдельных единиц и их синтагматики, так и фразеологии и терминологии в целом [1–4; и др.].

Объектом рассмотрения в данной статье являются устойчивые глагольно-именные сочетания, употребляющиеся в текстах древнерусских грамот и княжеских уставов XI–XIV веков. При этом в центре внимания находится взаимодействие значений глагола и имени существительного и связанные с этим изменения в семантической структуре компонентов словосочетания.

Под устойчивыми в работе понимаются сочетания слов, обладающие единством и постоянством лексического значения, образуемые по определенной модели с ограничен-

ным набором лексических компонентов и воспроизводимые в речи. Употребляя данный термин, мы предполагаем, что он охватывает не только собственно фразеологизмы, характеризующиеся большой степенью слитности семантики компонентов, идиоматичностью, но и сочетания, которые не обладают этими качествами или обладают ими в меньшей степени. Следовательно, понятие «устойчивые сочетания» шире, чем понятие «фразеологизмы».

При рассмотрении устойчивых глагольно-именных сочетаний в функционально-семантическом аспекте анализу подвергается в первую очередь глагол, который является чаще всего постоянным компонентом – грамматически опорным словом; обращается внимание и на имя существительное – семантический центр, грамматически зависимый компонент. Анализируя глагольное слово в русле подходов лингвистической школы профессора С.П. Лопушанской [5; 6], мы реконструируем семантическую структуру глагола, сложившуюся в системе языка, и устанавливаем его смысловую структуру в контексте с целью выявить процессы перегруппировки сем при взаимодействии со значением имени.

В текстах грамот и княжеских уставов выделены такие устойчивые глагольно-именные сочетания, как: *водити судъ, судити судъ, дати судъ, дати правду* – «судить», *дати*

слово – «отвечать, нести ответственность», *дати руку* – «поручиться за кого-что-л.», *държати княжение* – «княжить», *държати гневъ*, *държати нелюбие* – «гневаться», *доконьчати миръ* – «заключить мирный договор», *целовати кръсть* – «присягать», *държати миръ*, *държати правду* – «находиться в определенных отношениях с другой стороной» и др.; многие из них относятся к юридическим терминам.

Анализ этих сочетаний позволил выделить основные пути семантического взаимодействия имени и глагола.

1. Широко представлены устойчивые сочетания, в которых глагол является информативно недостаточным и тесно связан с именем существительным, дополняющим его смысл; все сочетание является, как правило, синонимичным одному глагольному слову. Например: *А гнева ти, княже, до Новагорода не държати ни до одного человека* (Грамм. Новг. Тверск. в. кн. Мих. Яр. с условиями договора, 1304–1305 гг.); сочетание *държати гневъ* «гневаться» обозначает эмоциональное отношение к объекту конкретного, одушевленного субъекта, который выражен формой Дат. п. личного местоимения 2 л., соотносящегося со словоформой *княже* в функции обращения. Глагол *държати* в прямом значении «держатъ, то есть касаться чего-л., взяв в руки и не давая упасть» содержит дифференциальные семы (ДС) «воздействие на объект посредством прикосновения руками», «воздействие на объект с целью поддержания в определенном состоянии», уточняющие категориально-лексическую сему (КС) «физическое воздействие на объект». В рассматриваемом сочетании абстрактное существительное *гневъ* в позиции прямого объекта способствует нейтрализации категориально-лексической семы и реализации в смысловой структуре глагола ДС «сохранение определенного состояния», конкретизируя характер этого состояния как эмоции. Контекстуальные уточнители *до Новагорода, до одного человека* называют тех, по отношению к кому князю не следует проявлять чувства гнева.

Устойчивые сочетания с различными именами образует глагол *дати*. В прямом значении «передать кому-л. что-л.» он назы-

вает действие, в результате которого устанавливается отношение между дающим и принимающим субъектами и отношение владения между субъектом и передаваемым объектом; глагол рассматривается в поле «отношение» (КС «владение», ДС «участие двух субъектов», «объект конкретный», «неодушевленный», «передача объекта»). В контексте: *А епископу не управивъ того, за все то дати ему слово в день великаго суда* (Устав кн. Всеволода о церк. судах, XIV в.) – он сочетается с абстрактным существительным *слово* «ответ, ответственность» (Срезн., т. III, стб. 419) в позиции объектного уточнителя. Процесс осмысливается как отвлеченный, социально значимый; у глагола сохраняется ДС, отражающая участие двух субъектов (второй субъект не выражен, но может подразумеваться – это Бог, социум и т. д.), а также сема «отношение»; социальный характер этого отношения уточняется именем. Все сочетание *дати слово* выражает значение «отвечать (нести ответственность) за что-л. перед кем-л.». Семы в смысловых структурах глагола и имени дополняют друг друга, образуя единство.

Глагол *дати* может сочетаться с существительным, означающим явление юридической сферы, например *дати судъ* в контексте: *А чего будет искати мне и моимъ боярамъ и моимъ слугамъ у Новгородъцовъ и у Волочанъ; а тому всему судъ дати без перевода* (Договорн. грамм. Тверск. в. кн. Мих. Яр. с Новг., 1301–1302 гг. – Срезн., т. I, стб. 634), где *судъ* обозначает социальную (правовую) деятельность – «суд, разбор дела, дознание виновности» (Срезн., т. I, стб. 603). Все сочетание приобретает значение по значению имени «осуществить суд, правосудие» (Исаев, с. 104), то есть «судить», и является правовым термином. Глагол *дати* отвлеченно называет отношение, но здесь – между субъектом и обстоятельствами, в связи с которыми проводится судебное разбирательство.

Отмечено также устойчивое сочетание *водити судъ* «заводить судебное дело». Например: *А за рубежь изъ Новгородской волости твоимъ дворяномъ суда не водити* (Договорн. грамм. Новг. с в. кн. Мих. Яр., 1307 г. – Срезн., т. I, стб. 277). Глагол *водити* в прямом значении «водить» (Срезн., т. I, стб.

277), то есть «направлять движение», является глаголом перемещения (поле «действие и деятельность»), при котором субъект выполняет активную, руководящую роль по отношению к объекту. В приведенном контексте глагол обобщенно выражает деятельность, а имя конкретизирует характер этой деятельности – социальная (правовая), то есть «суд, разбор дела, дознание виновности» (Срезн., т. III, стб. 603). Реализация деятельности субъектом (*дворяне*), как следует из контекста, распространяется только на жителей Новгородской области. Рассмотренное сочетание приобретает терминологическое значение «осуществить суд, правосудие» по значению имени, а глагол обобщенно называет деятельность как процесс.

В рассмотренных и других сочетаниях глагол, как правило, выражает общие семы лексико-семантического поля ('действие и деятельность', 'отношение' или 'состояние') и некоторые семы, отражающие особенности субъекта и объекта (руководящий статус субъекта – *водити*, наличие двух субъектов – *дати* и т. д.); характер же самого процесса (социальная деятельность, социальные отношения, межличностные отношения и т. д.) уточняется семантикой имени, которое и несет основную смысловую нагрузку. Между глаголом и существительным возникают комплетивные отношения, при которых лексическое значение глагола является недостаточным без значения имени.

2. В нашем материале представлены случаи употребления глагольно-именных устойчивых сочетаний, в которых глагол выступает в прямом значении и несет основную смысловую нагрузку, а имени отведена роль «дублиера», например: *А бес посадника ти, княже, суда не судити* (Договорн. грам. Новг. с в. кн. Яр. Яр., 1270 г.), где все сочетание *судити судъ* имеет значение «судить» (Срезн., т. III, стб. 597), как и глагол *судити*. При отсутствии существительного значение глагола сохраняется, в его смысловой структуре сохраняется КС 'социальная деятельность', содержащаяся и в семантике имени.

3. В древнерусских деловых текстах отмечено употребление сочетаний имени существительного и глагола, которые сохраняют свою семантику, но связь между данными компонентами имеет сложный, уникальный

характер. Например: *На семь ти, княже, хръсть целовати, на цемъ то целоваль хръсть отец твои Ярославъ* (Договорн. грам. Новг. с Тверск. в. кн. Яр. Яр., 1264 г.), где *целовати хръсть* означает «целовать крест, икону в подтверждение клятвы, присягать» (Срезн., т. III, стб. 1452). Для древнерусской поры данное устойчивое глагольно-именное сочетание являлось частотным [3]. Можно предположить, что *целовати хръсть* первоначально обозначало непосредственное целование креста в подтверждение клятвы, то есть князь (или другое лицо) прикладывался губами к священному предмету в знак присяги. Однако, как отмечает Ф.П. Сергеев, «в результате многократного повторения это сочетание становится устойчивым и приобретает переносный смысл – “присягать” (в известной степени утратив первоначальное значение). Появление новой семантики сопровождается появлением новых синтаксических связей, не свойственных отдельным компонентам вне данного сочетания: *целовати хръсть к кому/на чем*» [7, с. 12–13]. С утратой актуальности такого действия, как целование креста, остается другая сторона традиционного обряда – присяга. Выражение стало означать «принести присягу» без указания на приложение к священным предметам (кресту, иконе и т. п.). Переосмыслилось все сочетание, произошло сращение значений его компонентов, что свидетельствует о его фразеологизации. Данный оборот являлся общеупотребительным, используя для описания клятвы, присяги в любых ситуациях, например во взаимоотношениях князей: *Изяславъ. С(вя)тославъ. Всеволодъ. целовавшие кр(ь)сть ч(ьс)тныи. къ Всеславу...* (Лавр. лет. ок. 1377 г., л. 56 об.). Однако, обозначая одно из необходимых действий в судопроизводстве, он функционировал и как термин древнерусского делового языка [см.: (Исаев, с. 114)].

Таким образом, в уставах князей и договорных грамотах устойчивые глагольно-именные сочетания характеризуются различными семантическими отношениями глагола и имени: обобщенное значение глагола конкретизируется значением имени; прямые значения обоих компонентов «дублируют» друг друга; переосмысливается все сочетание при сращении значений компонентов. Анализ семантики устойчивых глагольно-именных со-

четаний дает возможность установить процессы их терминологизации и фразеологизации, обуславливающие развитие лексической системы русского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брицын, М. А. Из истории древнерусских судебных терминов / М. А. Брицын // Филологические науки. – 1965. – № 3. – С. 141–146.
2. Виноградов, В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины / В. В. Виноградов // Избр. тр.: Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – С. 118–139.
3. Костючук, Л. Я. Некоторые наблюдения над словосочетаниями, промежуточными между устойчивыми и свободными, в древнерусском языке (по грамотам XI–XIV вв.) / Л. Я. Костючук // Учен. зап. Псков. пед. ин-та, кафедр лит. и рус. яз. – Вып. 28. – Л., 1968. – С. 76–84.
4. Ларин, Б. А. Очерки по фразеологии / Б. А. Ларин // История русского языка и общее языкознание. – М.: Просвещение, 1977. – С. 125–148.
5. Лопушанская, С. П. Развитие и функционирование древнерусского глагола / С. П. Лопушанская. – Волгоград: Изд-во ВПИ, 1990. – 114 с.
6. Лопушанская, С. П. Семантическая модуляция как речемыслительный процесс / С. П. Лопушанская // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Филология. – 1996. – Вып. 1. – С. 6–13.
7. Сергеев, Ф. П. Формирование русского дипломатического языка / Ф. П. Сергеев. – Львов: Выща шк., 1978. – 223 с.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Грам. Новг. Тверск. в. кн. Мих. Яр. с условиями договора, 1304–1305 гг.* – Грамота Новгорода тверскому великому князю Михаилу Ярославичу с условиями договора, 1304–1305 гг. // Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С. Н. Валка. – М.: АН СССР, 1949. – 408 с.
- Договорн. грам. Новг. с в. кн. Яр. Яр., 1270 г.* – Договорная грамота Новгорода с тверским великим князем Ярославом Ярославичем, 1270 г. // Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С. Н. Валка. – М.: АН СССР, 1949. – 408 с.
- Договорн. грам. Новг. с Тверск. в. кн. Яр. Яр., 1264 г.* – Договорная грамота Новгорода с тверским великим князем Ярославом Ярославичем, 1264 г. // Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С. Н. Валка. – М.: АН СССР, 1949. – 408 с.
- Лавр. лет. ок. 1377 г.* – Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1. – М.: Яз. рус. культуры, 1997. – 496 с.
- Устав кн. Всеволода о церк. судах, XIV в.* – Устав новгородского князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых, XIV в. // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / под ред. Л. В. Черепнина. – М.: Наука, 1976. – 239 с.
- Исаев – Исаев, М. А.* Толковый словарь древнерусских юридических терминов / М. А. Исаев. – М.: Спарк, 2001. – 119 с.
- Срезн.* – Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. / И. И. Срезневский. – СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1893–1912. – Т. I. – 1893; т. II. – 1902; т. III. – 1912.

SEMANTIC INTERRELATION OF COMPONENTS OF VERBAL-NOMINAL SET-EXPRESSIONS IN THE OLD RUSSIAN OFFICIAL WRITTEN LANGUAGE

A.A. Makushina

The article deals with the usage of verbal-nominal set-expressions in the Old Russian official written documents of the 9th – 14th centuries. The author reveals semantic changes in verbs and nouns, determines basic types of semantic interrelations of the components in their semantic structure.

Key words: *the Old Russian language, historical lexicology, semantics, verbal-nominal set-expressions, official written language.*